

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ТАРТУСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Предлагаемая нами периодизация южноэстонского тартуского литературного языка не основана на периодизации эстонского литературного языка: мы исходим из концепции миссионерской лингвистики, или, обобщая словами К. Хабихт, «из общего культурного развития». В соответствии с данной концепцией перевод Нового Завета (“*Wastne Testament*“) является основным текстом тартуского литературного языка. Таким образом, наша периодизация основывается не на орфографии, а на идеологии. Первым периодом тартуского языка можно считать период, предшествовавший изданию перевода Нового Завета, и вторым – период различных его изданий (1686–1905). Третий – период вымирания тартуского языка (1906–1913); четвертый – период его наследников. Как последняя книга на тартуском языке нами установлен букварь “*Kodolaste raamat*” 1913 года. К. Паюсалу приводит периодизацию тартуского литературного языка лишь до 1905 года. В нашей же периодизации его история продолжается и после вымирания, поскольку мы рассматриваем вырусский, сетуский и мультгийский литературные языки как преемников тартуского языка. Критерием периодизации К. Паюсалу является также не орфография, а «общее культурное развитие».

Ключевые слова: эстонский язык, периодизация, тартуский литературный язык, Новый Завет, миссионерская лингвистика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-599-604

Существует несколько вариантов периодизации истории эстонского языка, в том числе литературного [Saareste 1952, Kask 1970, Hennoste 1997, Pajusalu 2000, Raag 2009]. В своих работах об истории эстонского литературного языка и о сопоставлении периодизаций истории некогда распространённого в Южной Эстонии тартуского литературного языка мы опираемся на работу Х. Лаанэкаск [Laanekask 2004].

Периодизацию тартуского литературного языка концептуализировали сравнительно недавно. В 2006 г. такую попытку предпринял К. Паюсалу [Pajusalu 2006], рассматривая тартуский язык в контексте южноэстонских литературных языков: вместе с сетуским, вырусским и мультгийским языками.

Такая периодизация представляется нам крайне необходимой для обзора истории тартуского языка. Однако, не имея возможности подержать в руках все произведения и книги, вышедшие на тартуском языке, зададимся вопросом: допустимо ли ставить своей целью выполнение этой периодизации? Нужно признать, что составление такого обзора несомненно будет сопровождаться онтологическим риском. Вместе с тем заметим, что многие печатные издания на тартуском языке на самом деле можно считать переизданиями с некоторыми изменениями, поскольку большинство книжной продукции – издания церковного характера. То же самое можно сказать и об учебной литературе, включающей так называемые библейские чтения, содержание которых строго сохраняется.

В этой статье мы хотели бы привести периодизацию эстонского литературного языка, выполненную А. Каском, ставшую классической и имеющую непосредственное значение для периодизации тартуского языка в целом. Проф. А. Каск в методическом издании Тартуского университета (1970 г.) уже не игнорирует тартуский язык, как это было в более раннем небольшом справочнике [Kask 1949]. Таким образом, можно говорить о смене парадигмы: в новой книге А. Каск открыто дистанцируется от теории марризма [Kask 1970, 6], утверждая, что язык всё-таки не является надстройкой и потому нельзя говорить о его феодальном и капиталистическом периодах. Парадоксальным образом А. Каск выделяет в этой работе два основных продолжительных периода, а именно: ранний период существования двух литературных языков и поздний – единого эстонского национального литературного языка, отводя тем самым тартускому языку существенную роль в истории эстонского литературного языка.

В свою очередь в каждом из двух основных периодов А. Каск выделяет подпериоды, не рассматривая при этом тартуский язык в рамках предлагаемой периодизации. Объясняет он это тем, что тартуский язык, «хоть и существенно обогатил эстонский национальный литературный язык, но не

стал базой этого языка, так как национальный эстонский язык сформировался на базе центрального наречия северноэстонского языка» [Kask 1970, 7–8]. При этом тартуский язык рассматривается довольно детально в главах: «Начало южноэстонского литературного языка» [Kask 1970, 30–33] и «Южноэстонский литературный язык в XVII веке» [Kask 1970, 58–64].

Раймо Рааг [Raag 2009, 218] выделяет четыре периода эстонского литературного языка, предшествующих вхождению в состав Российской империи:

1. период церковного раскола (нем. *Glaubensspaltung*) (20-е гг. XVI в. – 1558 г.),
2. период войн (1558–1625/1629),
3. период восстановления и консолидации (1625/1629 – 1672),
4. период шведского абсолютизма (1672 – 1710/1721).

А. Каск приводит периодизацию Карла Августа Херманна (Karl August Hermann), основанную на истории развития эстонской письменности, согласно которой первый период охватывает время от Шталя (H. Stahl) до Хорнунга (E. W. Hornung); второй – от Хорнунга до начала XIX в. [Kask 1970: 5–6].

Предлагаемая нами периодизация тартуского языка основана не на периодизации эстонского литературного языка, чему есть несколько причин.

Во-первых, тартуский язык вымирает в начале XX века. Таким образом, в истории тартуского языка отсутствует период, продолжительностью сто лет, во время которого эстонский язык из языка хуторян становится, говоря словами заглавия монографии Р. Раага [Raag 2008], государственным языком.

Во-вторых, перевод Нового Завета – важнейшего произведения христианской Европы и всего христианского мира – на тартуском языке выполнен раньше, чем на таллинском. Именно перевод на тартуский язык Нового Завета – в оригинальном написании “*Wastne Testament*” – можно считать основным текстом тартуского литературного языка по разным причинам. Прежде всего – идеологическим: в Новом Завете концептуализированы жизнь и учение Иисуса Христа. Разные издания перевода Нового Завета и его сокращенные варианты («библейские чтения») стали ядром тартуского литературного языка и в шведское, и в царское время.

В-третьих, полный текст Библии никогда не публиковался на тартуском языке, хотя полный перевод Библии имеет большое значение в истории эстонского литературного языка.

В-четвертых, история эстонского литературного языка включает в себя также историю тартуского языка, тогда как его история истории таллинского языка в себя не включает. В связи с этим объем памятников тартуского языка существенно меньше, чем памятников эстонского языка в целом.

В-пятых, приведенная выше периодизация К. А. Херманна, основанная на развитии орфографии, не применима к периодизации тартуского языка. Переход со старой орфографии на новую можно продемонстрировать на примерах литургического сборника 1897 г. и «библейских чтений» (библейских историй) 1898 года.

Таблица 1

Две лексемы в старой и новой орфографиях в двух разных изданиях конца XIX в.

издание	’короткий’	’вознесение’
Kässiramat, 1897	<i>lühikene</i>	<i>taiwaminmine</i>
Piibli lugemise, 1898	<i>lühikene</i>	<i>taiwaminmine</i>

Однако такой подход нарушает азбука 1908 г. со старой орфографией. Вместе с тем в период нерегулярной орфографии нередко были случаи разнобоя орфографии у одних и тех же авторов, ярким примером чего является творчество Й. Гутслафа (J. Gutsclaff): несмотря на то, что в его грамматике долгие гласные были маркированы в основном диакритическими знаками, в рукописном его переводе Ветхого Завета для этого служит немое *h* как знак долготы предшествующего гласного (Tóth 2019, 86).

«При периодизации исторического литературного языка [...] возможно исходить либо из общего культурного развития, либо из изменений, произошедших в орфографии», – утверждает К. Хабиخت [Habicht 2003, 137]. При периодизации истории тартуского литературного языка мы исходим из концепции миссионерской лингвистики, или, обобщая словами К. Хабиخت, «из общего культурного развития». В соответствии с такой концепцией перевод Нового Завета (“*Wastne Testament*”) на тарту-

ский язык является основным текстом тартуского литературного языка, так что наша периодизация основывается не на орфографии, а на идеологии.

Как мы показываем в соответствующей главе диссертации на соискание ученой степени доктора философии [Tóth 2019, 47–48], издание первого перевода Нового Завета на (южно)эстонский язык (*Wastne Testament*, 1686) нельзя рассматривать отдельно от издания первого перевода Нового Завета на латышский язык (*Gas Jauns Testaments*, 1685). Эти переводы вышли с разницей в один год в одной и той же типографии, с прослеживающейся схожестью в концепции, стратегии и тактике генерального суперинтенданта Й. Фишера (1633–1705). Наблюдается интертекстуальность этих изданий. Таким образом, история латышского литературного языка также поддерживает периодизацию, в основе которой лежит концептуально важное издание перевода Нового Завета.

Первый период тартуского языка, таким образом, предшествует изданию перевода Нового Завета; второй – это период различных изданий Нового Завета (1686–1905); третий – период вымирания тартуского языка (1906–1913); четвертый – период его наследников. В качестве последней книги на тартуском языке нами установлен букварь “*Kodolaste raamat*” 1913 года [Tot 2015, 47].

Здесь поясним, почему мы не учитываем разнообразия календарной литературы при периодизации истории тартуского литературного языка. Одна из причин – очевидно более низкий концептуальный статус бытовой литературы в сравнении со Священным Писанием. Христианская вера имела государственный статус и в шведское, и в царское время. Вторая причина заключается в том, что содержание и объём Нового Завета всегда строго фиксированы, даже если в 1857 г. к нему были добавлены псалмы царя Давида из Ветхого Завета, то есть, Псалтирь („*Psalteri- ehk Kunninga ja Prohweti Tawida Lauulo-Ramat*”) [Paul 1996, 41, Paul 1999, 344, Tot 2015, 42]. Третья причина схожа со второй: языком Нового Завета неизменно остаётся тартуский, несмотря на стандартизацию тартуского языка, переход на новую орфографию и другие изменения. В календарной же литературе нередко встречается смешение кодов: тартуский язык смешивается с таллиннским (северноэстонским) литературным языком. Проиллюстрируем это, рассмотрев выпуск издания “*Tarto Tähtraamat*” за 1882 год, титульный лист которого оформлен на тартуском языке, но уже первая статья – сообщение о смерти императора Александра II – на северноэстонском: “*Kõigist kõige kurwem mälestus, mis meile mööda läinud 1881 aastast jäenud on, on see, et meie üliwäga armas riigiisa Aleksander II. külma hauda oma armastajate alamate keskelt ära on läinud*” [Tarto Tähtraamat 1882]. Затем издание продолжается на тартуском языке: “*III. Warjotuse. Sell ajastajal saap kats kõrda päikese warjotus olema: edimäne suur päikese warjotus om 5. mail, mis Tarton näta om...*”. Четвертая причина – в том, что календари, как периодические издания, предназначены для чтения в конкретный год и «теряют актуальность по окончании своего года» [Helk 2000, 62], по выходе в следующем году нового календаря. Хотя мы знаем, что «календари использовали не только на протяжении текущего года, но и после, в качестве книги для чтения, пока их листы не истирались» [Annus 2000, 13]. В отличие от периодики книга не теряет своей актуальности, особенно когда речь идет о Библии и в частности, о Новом Завете, в котором изложены основы христианской веры.

Поскольку период различных изданий Нового Завета (1686–1905) довольно продолжителен (примерно 220 лет), целесообразно разделить его на подпериоды. В основе нашей периодизации – издание перевода Нового Завета, а потому стоит отметить в качестве 1857 год как переломный момент, когда к Новому Завету начали добавлять псалтырь. А. Каск называет этот год выхода северноэстонского народного эпоса «Калевипоэг» также границей между двумя основными периодами эстонского литературного языка: между этапом литературного языка, основанного на северноэстонском народном языке, и этапом национального литературного языка [Kask 1970, 21].

Есть ещё ряд причин рассматривать этот год как границу между периодами в развитии эстонского литературного языка: «вклинивание» северноэстонской журналистики в южноэстонский языковой ареал и общее быстрое развитие эстоноязычной прессы. В 1857 г. выходит “*Tallorahwa Postimees*” в Тарту и “*Perno Postimees*” в Пярну [Raag 2008, 58]. P. Paag [Raag 2019] отмечает, что в первой половине XIX в. был расцвет нецерковной литературы на тартуском языке, сменившийся упадком во второй половине XIX в. Это – важное уточнение о динамике развития тартуского языка, поскольку бытует мнение, что в XIX–XX вв. произошел упадок тартуского литературного языка [Pajusalu 2006, 88].

Период наследников тартуского языка длится со времён Первой мировой войны до сего дня. Возникает вопрос: можно ли называть его периодом истории тартуского языка, если предыдущий констатирует смерть тартуского языка? Однако, несмотря на вымирание тартуского языка, сохранились

рукописи, печатная продукция, а также память о нём. Надгробные надписи на тартуском языке частично сохранились на кладбищах (лингвистический ландшафт кладбищ). Также по сей день бытуют южноэстонские говоры, в основе которых лежит тартуский литературный язык. В конце концов современные южноэстонские литературные языки продолжают традицию южноэстонской письменности.

В табл. 2 приводится сравнение периодизации эстонского литературного языка Х. Лаанекаск с периодизацией истории тартуского языка К. Паюсалу и с нашей собственной. Х. Лаанекаск рассматривает эстонский литературный язык до конца XIX века, точнее до 1905 г. К. Паюсалу тоже приводит периодизацию тартуского литературного языка лишь до 1905 г. В нашей же периодизации история тартуского языка продолжается после своего вымирания в 1913 г., поскольку мы рассматриваем вырусский, сетуский и мультгийский литературные языки как преемников тартуского языка.

Таблица 2

Сравнение периодизаций эстонского литературного языка Хели Лаанекаск, истории тартуского языка Карла Паюсалу и автора данной статьи

Эстонский литературный язык Laanekask 2004		Тартуский язык Pajusalu 2006		Тартуский язык Tóth 2019	
1	XIII век –XVI век	1	– конец XVI века	1	80е годы XVI века – 1685
2	1600–1686	2	1582–1628		
		3	1629–1685		
3	1686–1739	4	1686–1700	2	1686–1905
4	1740–1857	5	XVIII век		
5	1857–1905	6	1801–1905		
	[эстонский литературный язык продолжает свое существование]			3	1906–1913
					4

Можно отметить, что в нашей периодизации имеется лишь два периода до 1905 г., тогда как у Х. Лаанекаск – пять и у К. Паюсалу – шесть. Одна из причин – тот факт, что на тартуском языке полный текст Библии никогда не был издан. В периодизации Х. Лаанекаск именно год выхода полного текста Библии (1739) – это граница третьего и четвертого периодов. Год выхода Нового Завета на тартуском языке (1686) – начало третьего периода в периодизации Х. Лаанекаск и четвертого – в периодизации К. Паюсалу.

Как и в нашей периодизации, в периодизации К. Паюсалу критерием является не орфография, а скорее – «общее культурное развитие» [Habicht 2003, 137]. При определении 2 и 3 периодов Паюсалу исходит из церковного характера тартуского языка. Так, второй этап знаменует католический период, а третий – ранний лютеранский период. В отличие от нашей периодизации, у К. Паюсалу отсутствует концептуализация Нового Завета как основного текста тартуского литературного языка. При определении остальных периодов К. Паюсалу исходит из объема и динамики печатной продукции на тартуском языке. Первый период – это предшествующий этап. Четвертый – этап издания обширных произведений, в том числе выход Нового Завета и литургического сборника (агенды) 1690 г. Пятый период – этап всестороннего формирования литературного языка. Шестой (XIX–XX вв.) – этап вырождения тартуского языка. При этом, согласно К. Паюсалу, тартуский язык хоть и основной, но всё же он один из четырёх южноэстонских литературных языков, тогда как мы рассматриваем вырусский, сетуский и мультгийский литературные языки как преемников тартуского.

ИСТОЧНИКИ

Kodolaste raamat. Neljas trükk. Jurjewi'n (Tartun). Trükitü H. Laakmann'i mann. 1913.

Kässiramat. Se sissen omma: I. Ewangeliumi nink epistli... II. Laulu ramat... III. Lühhikene palwuse-ramat. IV. Kerriko palwuse, pattal-käümise, ristmise nink matmise luggu. V. Öndsä Lutteruse wäikene Katekismus. Jurjewi linan, trükkitu 1897 aastal nink müwwa H. Laakman'i man.

Meije Issanda JEsusse Kristusse Wastne Testament, Echk Jummalä Pöhä Sönnä, Kumb Perräst ISSANDA JESUSSE KRISTUSSE Sündmist pöhist Ewangelistist nink Apostlist om ülleskirjotetu. Cum Gratia et Privilegio S[acrae] R[egiae] M[ajestetis] Sueciae. RIGA, Gedruckt durch Johann Georg Wilcken, Königl. Buchdr. Im Jahr M DC LXXXVI.

Piibli lugemise, Wastsest Testamendist kokko säetü, nink Tarto keele üles pantu, noorile nink wanole opmises nink ärätämises. Jurjewin, 1898.

Tarto Tähtraamat 1882 ajastaja pääle. Neljaskümnes ja wiies ajasaja-käük. Tarton, Trükkitü ja müwwä H. Laakmanni man. 1881.

Tas Jauns Testaments Muhsu KUNGA JESUS KRISTUS, Jeb Deewa Swehtais Wahrds, Kas Pehz ta KUNGA JESUS KRISTUS Peedsimschanas no teem Swehteem Preezas-Mahzitajeem un Apustuleem usrakstihts. Cum Gratia & Privilegio S[acrae] R[egiae] M[ajestetis] Sueciae. RIGA, Gedruckt durch Johann Georg Wilcken, Königl. Buchdr. Im Jahr M DC LXXXV.

ЛИТЕРАТУРА

Annus Endel. Eesti kalendrikirjandus 1720–1900. Eesti Akadeemiline Raamatukogu. Tallinn. 2000.

Habicht Külli. Vana kirjakeele uurimine. – Erelt, M. (toim.). Eesti keele uurimise analüüs. (Emakeele Seltsi aastaraamat, 48). Tallinn: Emakeele Selts. 2003. pp. 135–165.

Helk Vello. ESTICA trükiseid Kopenhaagenis ja mujal. – Tuna III, nr 2 (7). 2000. pp. 61–71.

Hennoste Tiit. Eesti keele sotsioperioodid. Üldpilt. – Pühendusteos Huno Rätsepale 28.12.1997. Tartu: Tartu Ülikool. (Tartu Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised, 7). 1997. pp. 45–66.

Kask Arnold. Lühike ülevaade eesti keelest ja selle arenemisest. Tallinn: Pedagoogiline Kirjandus. 1949.

Kask Arnold. Eesti kirjakeele ajaloo I–II. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool. 1970.

Laanekask Heli. Eesti kirjakeele kujunemine ja kujundamine 16.–19. sajandil. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, (Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis, 14). 2004.

Laanekask Heli & Erelt Tiit. Written Estonian. – Erelt, Mati (ed.). Estonian Language. Tallinn: Estonian Academy Publishers. (Linguistica Uralica. Supplementary series, 1). 2003. pp. 273–342.

Pajusalu Karl. Eesti keele kujunemisjärgud ja sotsioperioodid. – Keel ja Kirjandus XLIII, nr 3. 2000. pp. 153–160.

Pajusalu Karl. Die südestnischen Schriftsprachen und ihr dialektaler Hintergrund. – Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge, 20. 2006. pp. 86–100.

Paul Toomas. Wastse Testamendi redigeerimise loost. – Wastne Testament 1686. Konverentsi ettekanded 26.–27. aprill 1996. (B. G. Forseliuse Seltsi Toimetised, 2). Tartu. 1996. pp. 37–50.

Paul Toomas. Eesti piiblitõlke ajalugu: Esimestest katsetest kuni 1999. aastani. Tallinn: Emakeele Selts. (Emakeele Seltsi Toimetised, 72). 1999.

Raag Raimo. Talurahva keelest riigikeeleks. Tartu: Atlex. 2008.

Raag Raimo. Die Literatur der Esten im Zeichen von Reformation und Konfessionalisierung. Matthias Asche & Werner Buchholz & Anton Schindling (ed.): Die baltischen Lande im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung: Estland, Livland, Ösel, Ingermanland, Kurland und Lettgallen. Stadt, Land und Konfession 1500–1721. Teil 1. Münster: Aschendorff. 2009. pp. 217–246.

Raag Raimo. Arvamus Szilárd Tibor Tóthi väitekirja “Tartu kirjakeele raamid Johannes Gutsclaffi grammatikast (1648)”, “Kodolaste raamatuni (1913)” katuspeatüki kohta. [Manuscript.]. 2019.

Saareste Andrus. Kaunis emakeel. Vesteid eesti keele elust-olust. Lund: Eesti Kirjanike Kooperatiiv. 1952.

Tóth Szilárd. Zametki ob ischezajushhej tartuskoj pis'mennosti pjatogo perioda estonskogo literaturnogo jazyka (1857–1905 gg.). [Notes on the vanishing South-Estonian written language from the fifth period of the Estonian literary language (1857–1905)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2015. 2. pp. 41–49.

Tóth Szilárd Tibor. Tartu kirjakeele raamid Johannes Gutsclaffi grammatikast (1648) “Kodolaste raamatuni” (1913). (Tallinna Ülikool Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 52). Tallinn: Tallinna Ülikool. 2019.

Поступила в редакцию 03.09.2019

Тот Силард,

доктор философии (лингвистика), преподаватель эстонского языка,
Нарвский колледж, филиал Тартуского университета
20307, Эстония, Нарва, Рагушная площадь, 2
E-mail: szilard.toth@ut.ee, tothsz@t-online.hu

Tóth Szilárd Tibor

PERIODIZATION OF THE HISTORY OF SOUTH ESTONIAN TARTU LITERARY LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-599-604

The mainly ecclesiastical written Tartu language dates back to the late 16th century and continues to 1913. The core of Tartu language is the Wastne Testament (The New Testament, 1686) which formed the basis for my definition of the

different periods of Tartu language. The chronological classification is not based on the periodization of the Estonian literary language, but on common cultural development (according Habicht), more precisely on the principles of missionary linguistics. The first period includes the time before the Wastne Testament (1580s – 1685); the second period stretches through several editions of The New Testament (1686–1905); and the third is the extinction period from 1906 to 1913. To define the date of extinction of Tartu language, I have relied on “Kodolaste raamat” as the last book in Tartu language in 1913. The fourth period is that of Tartu language successors (Võru, Setu and Mulgi literary languages) and continues to the present. Pajusalu periodizes the history of Tartu language as far as until 1905.

Keywords: Estonian, Periodization, South Estonian Tartu Literary Language, The New Testament, Missionary Linguistics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 599–604. In Russian.

REFERENCES

- Annus Endel.** Eesti kalendrikirjandus 1720–1900. Eesti Akadeemiline Raamatukogu. Tallinn. 2000. In Estonian.
- Habicht Külli.** Vana kirjakeele uurimine. – Erelt, M. (toim.). Eesti keele uurimise analüüs. (Emakeele Seltsi aastaraamat, 48). Tallinn: Emakeele Selts. 2003. pp. 135–165. In Estonian.
- Helk Vello.** ESTICA trükiseid Kopenhaagenis ja mujal. – Tuna III, nr 2 (7). 2000. pp. 61–71. In Estonian.
- Hennoste Tiit.** Eesti keele sotsioperioodid. Üldpilt. – Pühendusteos Huno Rätsepale 28.12.1997. Tartu: Tartu Ülikool. (Tartu Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised, 7). 1997. pp. 45–66. In Estonian.
- Kask Arnold.** Lühike ülevaade eesti keelest ja selle arenemisest. Tallinn: Pedagoogiline Kirjandus. 1949. In Estonian.
- Kask Arnold.** Eesti kirjakeele ajaloost I–II. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool. 1970. In Estonian.
- Laanekask Heli.** Eesti kirjakeele kujunemine ja kujundamine 16.–19. sajandil. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, (Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis, 14). 2004. In Estonian.
- Laanekask Heli & Erelt Tiit.** Written Estonian. – Erelt, Mati (ed.). Estonian Language. Tallinn: Estonian Academy Publishers. (Linguistica Uralica. Supplementary series, 1). 2003. pp. 273–342. In English.
- Pajusalu Karl.** Eesti keele kujunemisejärgud ja sotsioperioodid. – Keel ja Kirjandus XLIII, nr 3. 2000. pp. 153–160. In Estonian.
- Pajusalu Karl.** Die südeestnischen Schriftsprachen und ihr dialektaler Hintergrund. – Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge, 20. 2006. pp. 86–100. In German.
- Paul Toomas.** Wastse Testamendi redigeerimise loost. – Wastne Testament 1686. Konverentsi ettekanded 26.–27. aprill 1996. (B. G. Forseliuse Seltsi Toimetised, 2). Tartu. 1996. pp. 37–50. In Estonian.
- Paul Toomas.** Eesti piiblitõlke ajalugu: Esimestest katsetest kuni 1999. aastani. Tallinn: Emakeele Selts. (Emakeele Seltsi Toimetised, 72). 1999. In Estonian.
- Raag Raimo.** Talurahva keelest riigikeeleks. Tartu: Atlex. 2008. In Estonian.
- Raag Raimo.** Die Literatur der Esten im Zeichen von Reformation und Konfessionalisierung. – Matthias Asche & Werner Buchholz & Anton Schindling (ed.): Die baltischen Lande im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung: Estland, Livland, Ösel, Ingermanland, Kurland und Lettgallen. Stadt, Land und Konfession 1500–1721. Teil 1. Münster: Aschendorff. 2009. pp. 217–246. In German.
- Raag Raimo.** Arvamus Szilárd Tibor Tóthi väitekirja “Tartu kirjakeele raamid Johannes Gutsclaffi grammatikast (1648)”, “Kodolaste raamatuni (1913)” katuspeatüki kohta. [Manuscript.]. 2019. In Estonian.
- Saareste Andrus.** Kaunis emakeel. Vesteid eesti keele elust-olust. Lund: Eesti Kirjanike Kooperatiiv. 1952. In Estonian.
- Tóth Szilárd.** Zаметки об исчезающей южно-эстонской письменности пятого периода эстонского литературного языка (1857–1905 гг.). [Notes on the vanishing South-Estonian written language from the fifth period of the Estonian literary language (1857–1905)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2015. 2. pp. 41–49. In Russian.
- Tóth Szilárd Tibor.** Tartu kirjakeele raamid Johannes Gutsclaffi grammatikast (1648) “Kodolaste raamatuni” (1913). (Tallinna Ülikool Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 52). Tallinn: Tallinna Ülikool. 2019. In Estonian, English, German and Russian.

Received 03.09.2019

Tóth Szilárd Tibor,
PhD in Linguistics, Estonian Lecturer,
University of Tartu Narva College
20307, Estonia, Narva, Raekoja plats 2
E-mail: szilard.toth@ut.ee, tothsz@t-online.hu